

Вперед, на Выборг!

история

Продолжение. Начало в № 17

Хотя Карельская кампания 1944 года была относительно скоротечной, это все равно была война — жестокая, беспощадная и кровавая. Оборона противника была прорвана 11 июня 1944 года, уже в ночь с 20 на 21 июня наши войска штурмом взяли Выборг. Однако ожесточенные бои продолжались до середины июля. Перемирие было подписано в Москве 19 сентября того же года.

Снова слово очевидцам и историкам.

Рассказывает военный корреспондент Павел Лукницкий:

«Быстро доехали до Териок (Зеленогорска).

Сходим с машины, стоим на перекрестке дорог. Высоко в небе — аэростат наблюдения. Три «Мессершмитта» внезапно атакуют его. Грохот зениток. Вокруг аэростата белые и черные клубки разрывов зенитных снарядов. Завывание моторов «мессеров». В первом заходе они отбиты зенитками, доносится стрекот их пулеметов. «А все-таки собьют его, ведь собьют, сволочи!» — восклицает какой-то командир. Смотрим: «мессеры» кружатся. Аэростат вспыхивает огромным красным языком пламени, валится вниз, сгорает весь в воздухе. Зенитки грохочут, «мессеры» завывают, туча черного дыма растягивается в голубизне солнечного неба. Из тучи и пламени вываливается вниз что-то маленькое, девственно белое. Это раскрывается парашют, чудом не загорается и медленно, обидно медленно — потому что «мессеры» новым заходом бьют по нему из пулеметов, — спускается с наблюдателем, не знаем — живым или мертвым.

Подбитый зенитками, один из «Мессершмиттов» падает в лес.

Вот война! Все — просто. Было и будто не было.

А ведь это происходил бой».

Из воспоминаний майора в отставке В.В. Филлипова (сб. «Огневой меч Ленинграда», Л., 1977):

«Об одном из эпизодов боевой работы воздухоплателей, случившемся 14 июня в небе над Карельским перешейком, упомя-

Советские танки на одной из улиц освобожденного города. Выборг, 20 июня 1944 г.

нул в своей книге «Ленинград действует» П. Лукницкий. Это рассказано о Федоре Иняеве. Он благополучно приземлился тогда, чтобы снова и снова подниматься в воздух — бить врага и закончить войну на берегах Эльбы.

Аэростаты наблюдения снабжались специальным оптическим прибором. Связь между аэростатом и землей осуществлялась с помощью телефона (позже рациями).

Боевая практика показала, что ошибки в определении цели у натренированных воздухоплателей-наблюдателей не превышали 50—100 метров. Нередко аэростаты наблюдения применялись в лесистой пересеченной местности. Наблюдение велось только с большой высоты — 750 метров. Подъем и спуск производился с помощью лебедки (диаметр троса — 4,6 мм), смонтированной на машине-полторке.

Обнаружить стреляющие батареи противника было значительно легче, если разведка велась с двух или трех аэростатов. В этом случае не требовалось определять дальность цели, а измерялись только углы от заранее выбранных ориентиров.

Осенью 1941 г. перед ленинградскими альпинистами О. Фирсовой, М. Бобровым, А. Земба, А. Пригожевой была поставлена необычная задача — закрыть шпиль Адмиралтейства. Альпинистам необходимо было установить блок на верхней части шпиля и перекинуть через него канат. Это выполнил лейтенант В.Г. Судаков. Аэростат с подвешенным на него сиденьем направляли за оттяжки три сержанта: Пивоваров, Гушин, Сакович. На высоте 72 м при задувавшем в тот день порывистом ветре адмиралтейский корабль своими острыми краями мог повредить оболочку аэростата. Судаков укрепил блок и перекинул через него канат, не смотря на большую болтанку, и спустился на нем, убедившись попутно в надежности закрепления блока. После этого верхолазы укрепили шпиль».

Из автобиографической повести Анатолия Генатулина «Атака» (сб. «Вот кончится война», М., 1988):

«Война потрясла меня еще задолго до вступления нашего полка в бой. Было это уже после прорыва вражеской обороны на реке Сестре.

Наш полк построили на широкой лесной поляне буквой «П». Никто не знал, для чего это спешное построение, думали, гадали: приказ какой-нибудь прочтут или генерал выступит с речью перед нами, или, может, артисты, а благодарить и награждать вроде бы нас не за что. Подъехали две машины, одна крытая, другая черная легковушка. Из легковушки вышли три офицера, один, рослый, худой, был в очках. А из другой, крытой, машины сначала выпрыгнули четыре автоматчика — в отличие от нас, обутом с обмотками, они все были в сапогах, — выпрыгнули и встали с обеих сторон раскрытой дверцы. Затем из машины неуклюже и неспешно вылез солдат. Без погон, без пилотки и без поясного ремня, одна пуговица на шинели оторвалась, и хлястик нелепо болтался с правой стороны пояса. Кисть правой руки солдата была забинтована, бинт был грязен. Его отвели от машины, поставили лицом к замкнутой стороне «П», с боков встали автоматчики. Раздалась команда: «Полк, смирно!». Рослый офицер в очках раскрыл папку и стал громко читать. Я уловил только обрывки фраз. «Нарушение воинской присяги... опозорил воинскую честь... членовредительство... военный трибунал...». Потом автоматчики и один офицер повели солдата туда, где бугрилась вынутая из ямы глина.

Они приблизились к нам. Вот уже вижу их лица, хмурые, бледные лица автоматчиков и офицера, а лицо приговоренного не бледное даже, а какое-то синюшно-серое, только низкий лоб восково желт, это уже лицо мертвеца, это уже маска смерти, и на этой мертвой маске какое-то странное выражение, похожее на полуулыбку, вернее, на презритель-

Немецкий самолет сбивает аэростат.

ную усмешку. А глаза уже тусклы и равнодушны — без надежды на жизнь, но как будто и без страха смерти. Он шел к яме сам, хотя шел очень медленно. Вот он встал у края ямы, лицом к яме. Офицер скомандовал: «Кругом!», и солдат повернулся неуклюже, колыхнул лапами шинели, потом оглянулся на яму: правильно ли встал, напротив ли ямы, даже переступил ногами. Автоматчики и офицер стояли шагах в десяти от него.

И тут раздалась команда: «Батальон, кругом!». Полк повернулся спиной к приговоренному. Но многие поворачивали головы и поглядывали. В ту секунду, когда раздалась автоматные очереди, я тоже вдруг посмотрел через плечо и на мгновение успел увидеть, как со спины приговоренного полетели какие-то клочья, будто насквозь продуло его свинцовым ветром... Я отвел глаза. Опять команда: «Батальон, кругом!».

Нет, пожалуй, даже не это потрясло меня. Потрясло то, что среди нас мог оказаться вот такой. Ведь я хотел, мы все хотели, чтобы скорее кончилась война, мы все боялись смерти...»

Из приказа Верховного Главнокомандующего от 21 июня 1944 года:

«Сегодня, 21 июня, в 0 часов 30 минут столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим линию Маннергейма и овладевшим городом и крепостью Выборг, — двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий».

Эпилог

Из заявления премьер-министра Финляндии (с марта 1946 года — президента Финляндии) Ю.К. Паасикиви на пресс-конференции от 11 февраля 1946 года:

«Одна из многих ошибок, допущенных при заключении мира в Тарту (14 октября 1920 года. — М.Л.), состояла в том, что я, как и весь финский народ, придерживался старых исторических границ. Ведь мы настаивали на старых исторических границах, и мы добились их установления. По этому поводу один очень мудрый человек сказал, что это было роковым успехом. Ибо если бы мы здесь, в Финляндии, были дальновидными деятелями, мы бы поняли, что чем дальше от Ленинграда пройдет граница на Карельском перешейке, тем большую возможность получить Финляндия сохранить самостоятельность. Граница по реке Раяйоки (Сестре. — М.Л.) была пригодна в качестве границы между различными территориями одного и того же государства, но она не подходила в качестве границы между двумя суверенными государствами, потому что она проходит слишком близко от большого города Ленинграда».

Материалы подготовил Михаил ЛОГУНЦОВ

статистика

За все время кампании 1941—1944 годов со стороны СССР: участвовали 1,5 миллиона военнослужащих, погибли или пропали без вести — 200 тысяч, ранены — 385 тысяч, пленных — 64 тысячи (умерли более 18 тысяч), погибших гражданских лиц — 15—20 тысяч. С финской стороны: участвовали 530 тысяч военнослужащих, погибли или пропали без вести — почти 59 тысяч человек, ранены — 185 тысяч, погибших гражданских лиц — 1,5 тысячи.